

Агаверди ХАЛИЛОВ

Заведующий отделом Института

Фольклора НАН Азербайджана

кандидат филологических наук

РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗ РЕКУ В СЛАВЯНСКОМ И ТЮРКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Açar sözlər: Folklor, slavyan, türk, çaydan keçid, ritual, mif, semantika.

Ключевые слова: Фольклор, славян, тюрк, переход через реки, ритуал, миф, семантика.

Keywords: folklore, Slavic, Turkic, crossing the river, ritual, myth, semantics

Река, наделенная в мифологическом мировоззрении разнообразными символическими коннотациями, выступает и в роли важнейшего элемента ритуального перехода. Прежде всего, имеет значение сакральная функция воды, которая рождается из жизнедающей, сакраментальной, меняющей статус, исходящей из ритуала особенности. В ритуале вода обладает магическими возможностями. Утрата и забвение актуальности ритуального перехода реки и превращение его в физический переход в той или иной форме наблюдается в пословичных изречениях, в которых:

-указывается на трудность перехода: «Не каждая вода имеет брод».

-указывается на легкость перехода: «Аракс по колено, Кура-по щиколотку».

-указывается на недостаточность элементов перехода, например: «Кто-то ищет мост для перехода, кто-то-воду для питья».

-поясняется важность осуществления перехода вовремя: «Не снимай чарыки (обуви), пока не дошел до реки».

-раскрывается примирительная функция воды: «Где огонь, там и вода» и др (1, 128, 36,74,62).

Представление о том, что вода отделяет земной мир от загробного и служит границей, которую преодолевает душа на своем пути к «тому» свету, известно тюркам и славянам (2, 265-266). Это воззрение встречается также и в славянском фольклоре. Например, русские в Вологодской губернии верили, что душа на сороковой день по смерти переправляется через Забыть-реку и забывает всё, что с ней было на этом свете (3,56). По большей части это представление оказывается связанным с теми или иными обрядами, обычаями и относящимися к ним верованиями. Очень часто оно встречается в связи с

обыкновением класть покойнику деньги. Так, словенцы Прекмурья (Одранцы) умершему ребенку вкладывают в руку мелочь, которая ему якобы «нужна для того, чтобы перебраться через воду на тот свет» (4, 56). В Боснии, Сербии и Черногории умершему давали монету, чтобы ему было чем «заплатить за переправу на остров блаженных» (5, 161). В Польше все присутствующие на похоронах переходят через ручей и бросают туда какую-нибудь монету, чтобы умерший мог оплатить свой путь в «иной» мир, за море. Точно так же на Украине, иногда и в России покойнику давали деньги для переезда через реку (6, 89).

Схожие ситуации встречаются в огузо-тюркском памятнике раннесредних веков «Книга деда Коркуда», в сказе «Об удалом Домруле, сыне Духа Коджи». Можно провести параллели между славянским фольклором и легендарным деде Коркутом. Нельзя считать случайным сходство и созвучие мотивов славянского фольклора и эпоса деда Коркуда. В них переплетаются элементы или же рудименты архаического ритуала перехода через реки. «Некий Делю Думрул, сын Духа-коджи, построил мост над безводным руслом реки и взимал по тридцать три деньги с тех, кто проходил по мосту, и по сорок с тех, кто не проходил по нему. Он похвалялся, что нет и не было человека, равного ему по силе. Однажды у моста остановилось кочевье. И был среди пришельцев больной юноша, который вскоре скончался. Поднялся плач по нему. Прискакал к кочевью Делю Думрул и спросил, кто убийца юноши. Узнав, что юношу лишил жизни „краснокрылый Азраил“, он расспросил о нем и потребовал от Бога, чтобы тот послал к нему Азраила померяться с ним силой. Он хотел наказать его так, чтобы тот больше не осмеливался лишать молодых людей жизни» (7, 60-62). В этом рассказе мы наблюдаем два элемента: переход через реку и взятие денег. Подобные переходы и использование денег в переходных обрядах встречаются и в славянском фольклоре.

Если учесть, что в сказе о Дели Домруле река находится на грани миров, то это означает, что она символизирует переход в подземный мир. Находящийся над ней мост, который построил Сумасшедший Домрул, также является пояснением данного положения. В. Н. Топоров указывает, что мост в мифопоэтической традиции между различными точками сакрального пространства выполняет различные функции. Вертикальный мост соединяет землю не только с верхним, но и нижним миром; мосты нижнего мира часто охраняет страж. В некоторых случаях этот страж пропускает умерших (или живых, осмелившихся войти в царство мертвых) в нижний мир за определенную плату или с условием разгадать загадку, успешно пройти какое-либо испытание (8, 176-177).

«Сумасшедший Домрул в эпосе является образом со статусом шамана, который проводит души людей через мост на «тот» свет. Прокладывание им моста над высохшей рекой связано с тем, что река является переходным пространством»; «Так, он берет 33 ахчи (монеты) у проходящих через мост, и 40 ахчей (монеты)-у не проходящих, что в обоих случаях служит платой (ценность, стоимость, цена). Нам кажется, что в основе этого стоят такие

элементы ритуального характера, как жертвоприношение, подношение, подарок или плата душой за душу» (9,43-44).

Река (сув, ырмак, чай, нехир)-выполняет функцию разделения космоса с хаосом, а мост-их соединения. С данной точки зрения, мост является переходным пространством. Данное пространство обладает двусторонней семантикой: является и космосом, и хаосом. Образы, входящие в зону с двойной семантикой, обладают также двойным статусом. Домрул может выступать как в статусе живого, так и мертвого. В огузской мифологической модели мира на это указывает название носителей двойного статуса сумасшедшими (10).

В сказе «Похищение Гырата Хамзой» Кёроглу, которому войска наши претрадили все дороги по суше, держит свой путь через воду-реку Тона. В повествованиях «Приведение Айваза в Ченлибель» или «Араб Рейхан» Кёроглу, будучи в трудном положении, перепрыгивает через большой овраг и набирает еще большую силу. Во время похода в Баязид Мустафа бек толкает Кёроглу в реку. На самом деле, ритуальным переходом он сакрализует себя. Мир, через который он проходит, обеспечивает его безопасность. Это является остатком архаического ритуала перехода через реки.

В сказках переход через воду конкретизируется в таких образах, как море, река, колодец, родник, вода. Каждый из этих конкретных воплощений воды выступает в качестве средства для перехода в другой мир. Наряду с этим, стихия воды воплощает в себе хаос. Судя по ритуальному смыслу, переход через реку также означает проходы в мир хаоса. Эти проходы в мир хаоса оформляются в виде ритуала, после чего живые люди возвращаются в прежний мир. В сказках тюркских народов используются такие инструменты перехода в мир водного хаоса, как морской конь, корабль, кусок дерева, сундук, ящик, веревка и т. д.

В «Книге деда Горгуда» вода называется в поговорках «большая-большая вода», «кровавая-кровавая вода», «холодная-холодная вода», «паводковая-паводковая вода». Но если речь идет о текущей воде, то есть о реке, здесь обязательно употребляется слово гёркю, то есть 'священный', и тюрки-огузы также не переходили так просто через эту священную воду. Они переходили через «текущую священную воду» только в случае заглаживания добрых желаний и получения положительного ответа на них. Когда дед Горгуд приходит просить (сватать) Банучичек для Бамсы Бейрека, Гантурал-просить Сельджан, родственники невесты спрашивают о цели их прихода. И они, каждый по отдельности отвечают: «Я пришел перейти через текущую реку (воду)» (11). В народных верованиях вода упоминается в виде родника, источника, реки и т. д. Здесь самым важным положением является текучесть воды (реки). Подвижность, текучесть воды означает ее животворность. Люди прыгают через текущую воду, чтобы приобрести удачу в делах. В одном из народных сказаний повествуется о том, как молодые женщины просят у бога воды детей, переходя при этом через воду. В сезонных обрядах многих тюркских народов сохранился обычай перехода через текущую воду. Это событие, связанное с верой в сакральную силу воды, способствующей

изобилию и благополучию следующего года, в основе которого стоит архаический ритуал перехода через реку.

В архаическом эпосе мы наблюдаем еще большую сакрализацию воды как объекта культа. В эпических произведениях, относящихся к началу исламского периода, всё еще наблюдается сила народных поверий. В частности, в архаическом эпосе привлекает внимание тема животворной силы воды. Например, в «Книге деда Коргуда» в сказе о Дирсе-хане его жена, спрашивая у вернувшегося с охоты мужа о сыне, говорит: «Сухие, сухие ручьи я наполнила водой» (12,19). Здесь воплощена вера в божество воды. Провести воду в сухие реки означало принести жертву божеству воды, что у тюркских народов связано с верой в первичность воды. Тюрки верят в то, что вода приносит изобилие и достаток (13,118).

Особенно широко разбираемое представление отражено в славянских погребальных обрядах. Если мы хотим выяснить роль воды в разных погребальных обрядах, мы должны будем учесть множество южнославянских свидетельств об обычае выливать всю воду в доме в момент смерти или когда возле дома проходит похоронная процессия (то же, если с ней встречается несущий воду), с этим же связан широко распространенный у русских Центральной России обычай обливать водой лавки или стол на котором стоял гроб с умершим и мыть полы после выноса покойника (14, 158). Данный обычай имеет следующее объяснение: «чтобы в этой воде не поселилась душа покойника» (15).

Таким образом, вода в народных представлениях воспринимается как среда и как локус, в котором душа предпочитает пребывать после смерти до тех пор, пока по истечении 40 дней или года она не отправится на «тот» свет. Поверья о том, что «смерть мыла в этой воде свой нож, косу, руки и т. п.», «в ней умыл руки hazretî Azrail (ангел смерти) после того как вырвал душу из тела» (16,355), очевидно, являются лишь разновидностью основного представления, по которому душа после смерти поселяется в воде.

Итак, судя по всему, в обычаях, связанных со смертью, отражается реликт древнего верования, то есть мифологического представления о том, что душа после смерти переходит на «тот» свет через воду как границу.

Эту связь можно найти, по крайней мере, на трех уровнях. На первом уровне обнаруживаем, что вода-элемент, медиум, то есть место, куда идет душа после смерти. Если в мифологических представлениях душа идет через воду в потусторонний мир, то в погребальных обычаях (непосредственно перед отходом на «тот» свет), скорее всего, пребывает в воде. На другом уровне вода представляет собой связующее звено между этим и «тем» светом: если в мифологических представлениях вода связывает между собой этот и «тот» свет, то в обрядах возможен контакт между этим и «тем» светом, то есть между живыми и мертвыми через воду. На третьем уровне вода представляет собой границу между «тем» и этим миром: если в верованиях вода представляется разделителем двух миров, то в некоторых обрядах она также играет разделительную роль, становится знаком размежевания различных состояний.

Следы представления о воде как разделителе между мирами находим также в фольклоре: в народной прозе, песнях и молитвах тюркских народов.

В славянских сказках (например, в словенской «Заклятые души») находим связь между водой и путем на «тот» свет: «Когда они пересекли другую реку, перед ними открылся еще один, меньший луг, где трава была высотой с палец. На лугу паслось малочисленное стадо необычайно откормленных овец»; «Перешли они еще более широкую реку и попали на очень большое поле, где колыхались тяжелые колосья зрелой ржи. На краю поля стояли женщины с серпами и жали. Их губы так затекли, что они не могли перемолвиться друг с другом ни словом. Сжатые и связанные в снопы колосья опять вращались в землю, так что жницы постоянно должны были жать на том же самом месте»; «Посередине четвертой реки находился маленький островок, на котором боролись два худых барана с такой силой, что летели искры. Рога у них были отбиты, кровь текла из голов, дыхания не хватало, но, несмотря на это, они наскакивали всё сильнее один на другого. Берег был крутой, на нем тьма косцов делала свое нелегкое дело». Проводник растолковал своему спутнику всё, что они видели: овцы на первом лугу-это души тех, кто жил в богатстве, но был скуп и завистлив. На другом лугу были души людей, которые жили своим трудом и помогали другим. Жницы-души женщины, при жизни клеветавших на благочестивых людей и порочивших их. Дерущиеся бараны-два крестьянина, которые всю жизнь отсуживали друг у друга старую яблоню, они растратили свою землю, и их дети остались без средств и были вынуждены напиматься к соседям в слуги. Косцы-души пьяниц... После этого проводник исчез, и праведник остался один. Когда он вернулся в родное село, там было всё по-другому, «так как прошло пятьсот лет с тех пор, как он отправился в свое путешествие под землю» (17, 113-115).

В некоторых сказках упоминается несколько рек, через которые переправляются герои, но первая река-это граница, которая разделяет мир живых и мир мертвых. В причитании, записанном в Словении, дочь, голосящая по умершей матери, упоминает, что путь (после смерти) лежит мимо трех источников: «Ой ли, мама, милая мамочка, куда идете от меня в далекий путь, в далекий путь безвозвратный, с черной горы в ровное поле, ведь там найдете три холодных ключа. Когда придете к первому ключу, не пейте вы у меня той водички, от той водички головка болит. Когда придете ко второму, не пейте вы у меня той водички, от той водички сердечко болит. Когда придете к третьему, не пейте вы у меня той водички, та водичка безвозвратная» (18, 611-612).

Олицетворяются народом и реки: из больших рек рождаются народные богатыри вроде Дуная Ивановича, Дона Ивановича, Непры или Днепры и другие. Меньшие реки, озера и пруды имеют своих «богинь»-русалок, и с ними связано множество мифологических сюжетов, особенно с местами при мельницах и с озерами, в которых будто бы потонули древние и богатые города вместе с многочисленными церквями. Воде рек, озер, источников и колодцев придают те же чудесные силы, что и весеннему дождю, то есть сила плодородия, сила целебная, очистительная и, наконец, сила венающая. Вообще в воображении

первобытного человека смешивалось понятие о реке и о дожде; по одному русскому преданию, все воды в реках, морях, ключах и т. п. произошли от дождя.

В славянских сказках живая вода находится в тридевятом царстве, между двух голкучих гор, которые только на минуту разверзаются; ее защищает змей или вороны, носы железные. По словам сказок, живую и мертвую воду приносят олицетворенные силы летних гроз: вихрь, гром, град и веющие птицы, в образе которых фантазия воплощала те же самые явления: ворон, сокол, орел и голубь. Кто выпьет живой или богатырской воды, у того тотчас прибывает сила великая. С поверьем о живой воде соединяется русский народный обычай, по которому, когда раздается удар первого грома, все спешат умыться водою, дающей красоту, здоровье и счастье. А фольклоре тюркских народов имеются общие мотивы в форме «пить богатырскую воду». Например, эпический герой Кёроглу пьет воды из родника Гонабулак и получает великую силу, а мотив «умыться водой для красоты» встречаются в народных обычаях, особенно в праздничные дни. В сказке «Иван-царевич и серый волк» волк, чтобы оживить убитого старшими братьями царевича, полил его сначала мертвой водой, которая заживила смертельные раны, а потом живой водой, которая воскресила его.

Благодаря исследованиям В. Я. Проппа в науке утвердилось мнение, что река представляет собой рубеж жизни и смерти, границу между мирами, между явью и навью (19).

В славянском фольклоре вода владеет и стихией огня. Эти две черты вовсе не исключают друг друга, они часто соединяются. Так, например, водяной царь присылает письмо за тремя черными печатями и требует Марфу-царевну, он грозит, что «людей всех прибьет и всё царство огнем сожжет» (Афанасьев 125). Таким образом, водяная и огненная стихии не исключают друг друга.

Ясно видно, что народ относился к реке как к священному и сакральному. А мост символизировал переход не только через реки, а так же границы миров, жизни и смерти, переход из девичества в замужество, умирание прежнего состояния и рождение нового. И ратный подвиг, и свадьба-инициация, посвящение. Река при этом выступает защитницей, заступницей, помощницей. Азербайджанцы писали письмо-жалобу и бросали в реку, веря в то, что это письмо дойдет до самого пророка через Али. Во многих вариантах азербайджанских преданиях жалобное письмо адресуется на имя Хазрети Аббаса, олицетворяющей гнева, сына Али, родившийся не от дочери пророка Мухамеда. Основанием для подобной обычая является символическое значение глубоко почитаемой древними тюрками воды.

Рудименты архаического ритуала перехода через реку (воду), наблюдаемые в различных жанрах славянского и тюркского фольклора, весьма существенны с точки зрения расширения наших знаний о древней культуре. Мы можем использовать данные рудименты в качестве источника при изучении нашего древнейшего прошлого. Здесь имеются широкие возможности для наблюдения над мифологической, магической, сакральной функциями реки (воды) в

различных формах. Изучение рудиментов архаического ритуала с точки зрения определения общих архетипов наших древних верований, народных обычаев и традиций, в том числе народной культуры и видов народного творчества, являясь актуальной темой, подлежит исследованию и в будущем (20).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пословицы. Баку, 2004. С. 128, 36, 74, 62 (на азерб. яз. Перевод автора).
2. Niederle L. Slovenske starozitnosti, zivot starych Slovanu // Oddil kulturni. Praga, 1912. D. I, sv. 1. S. 265-266.
3. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 56.
4. Resek D. Verovanja ob Muri in Rabi. Murska Sobota. 1979. S. 56.
5. Дробнякович Б. Етнологија народа Југославије. Београд, 1960. Д. 1. С. 161.
6. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwow, 1921. S. 176; Менцей Мириам. Славянские народные верования о воде как границе между миром живых и миром мертвых // Славяноведение. 2000. № 1. С. 89-97.
7. Книга моего деда Коркута / пер. В. В. Бартольда. М.; Л.: АН СССР, 1962. С. 60-62.
8. Топоров В. Н. Мост // Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 176-177.
9. Гараев С. Подземный мир в азербайджанской народной прозе: Магистерская диссертация. Баку, 2008. С. 43, 44 (на азерб. яз.).
10. Рзасой С. Структура огузского мифа (семиотическая реконструкция по огузским текстам). Диссертация. Баку, 2009 (на азерб. яз.).
11. Книга деда Коркуда, D-1766; Энциклопедия «Книги Деда Коркуда».
12. Книга моего деда Коркута. С. 19.
13. Сейидов М. Источники азербайджанского мифического мышления. Баку, 1983. С. 118 (на азерб. яз.).
14. Добровольская В.Е. Похоронный обряд // Традиционная культура Гороховецкого края. Т.1., М., 2004. С. 158.
15. Сейидов М. Источники азербайджанского мифического мышления. С. 53; Гараев С. Подземный мир в азербайджанской народной прозе. С. 10; Инан А. Традиции, связанные с стихией воды у тюрков // Abdülkadir İnan. Makaleler ve İncelemeler. 2 Çap, 1 cild, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1987. S. 82.
16. Kajmaković R. Neki arhaični elementi u pogrebnim obicajima Muslimana u Bosni // Rad XI-jg kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom 1964. Zagreb, 1966. S. 355.
17. Moderndorfer V. Narodne pripovedke iz Meziske doline. Ljubljana, 1924. S. 113-115.
18. Strekelj K. Slovenske narodne pesmi. Ljubljana, 1918-1923. Knj. 1-4, S. 611-612.
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

20. См. об этом. в частности: Халилов А. 1) Мотивы архаического ритуала в «Книге дела Коркуда» // Журнал «Дед Коркуд». 2004. 3 (на азерб. яз.); 2) О проблематике письменности и жанрового состава огузского эпоса (на материале «Книги деда Коркуда») // Тюркологический сборник. Вып. 2: Материалы международной тюркологической конференции «Языки и литература тюркских народов: история и современность». Елабуга, 2004. С. 227-234; 3) Структурные особенности архаического ритуала и жанра в огузском эпосе // Литература и художественная культура тюркских народов: в контексте Восток и Запад: Материалы международной конференции. Казань, 2013.

Ağaverdi XƏLİLOV

Türk və slavyan folklorunda çaydan keçidin ritual-mifoloji semantikasi

Xülasə

Türk və slavyan xalqlarının folklorunun müxtəlif janrlarında müşahidə olunan çaydan (sudan) keçid arxaik ritualında rudimentləri qədim mədəniyyəti və onların arasındakı əlaqələri öyrənmək baxımından çox vacibdir. Bu rudimentlər qədim dövrü öyrənmək üçün qaynaq kimi isitfadə oluna bilərlər. Hər iki xalqın folklorunda çaydan keçidin (geniş mənada sudan keçidin) müxtəlif aspektləri, mitoloji, magik, sakral funksiyaları aydınlaşdırılıb. Məqalədə arxaik ritualın qalıqları (rudimentləri) təhlil edilib və bununla da xalq mədəniyyəti və xalq yaradıcılığının ortaq arxetiplərinin müəyyənləşdirilməsi üçün xalq inancları, adət və ənənələri araşdırılıb.